

Воспоминания Романова Константина Васильевича

Жизнь моя с раннего детства началась с неудач. На третьем году жизни остался без матери, которая умерла от тифа в 1929 году вместе с моей маленькой сестрёнкой Анюткой. А в следующем, 1930-м году вся моя семья была раскулачена и сослана в Нарымский край, отец попал в ссылку по речке Чижанка, где-то в районе семидесятого километра. Поселение так и называлось - Семидесятый. А его старший брат Тимофей Васильевич свои первые письма прислал из Нёготки, где они вручную пилили лес на пиломатериал и строили из этих досок большие лодки-неводники, грузоподъёмностью 5-10 тонн, которые в те времена были основным водным транспортом в этих местах. Передвигались на них с помощью гребей и шестов. Сноха, жена брата Тимофея, Анна Тимофеевна, имела двух детей - семилетнего Павла и десятилетнего Михаила. Их сослали в посёлок Восток. По дороге, в Томске, Михаил убежал от матери, сел на товарный поезд и приехал обратно в свою родную деревню Драгунку Омской области. А мать чуть не сошла с ума, когда он потерялся, подумала, что он где-нибудь погиб, что случалось тогда нередко. Почта в то время работала плохо, прошло не меньше года, а то и больше, когда мать узнала, что Миша жив, здоров. Меня же Анна Тимофеевна была вынуждена оставить в Драгунке у своей старенькой матери, бабушки Агафьи, которая жила в земляной избушке, сложенной из пластов дёрна с глиной, со своим слепым с детства сыном Семёном. Бабушка была полуслепая, и дядя Сема совсем слепой, да ещё с нами жила бабушкина внучка Полинка, у которой родители погибли где-то на железной дороге. Вот в таком составе мы и жили некоторое время. Вдоволь хватило нам и голода, и холода.

Никогда не забуду один случай, произошедший в те времена, когда я был совсем мал. Мужчины мылись в бане и выпивали. В очередной раз, когда они выбегали из парилки обтираться снегом, случайно попался им на глаза я, маленький мальчишка. Завели меня в баню, раздели, положили на полоч, поддали побольше пару и начали парить. У меня потемнело в глазах, очень замутило, но моих криков никто не слушал, для мужчин это была только забава. Спустя небольшое время я потерял сознание, очнулся в избе какого-то дяденьки, закутанный в тряпки и отогреваемый у печи.

Оказывается, когда я потерял сознание, пьяные мужики подумали, что я умер, выбросили меня, без одежды, голым, в холодный сугроб. Там-то меня вовремя подобрал незнакомый мужчина, житель нашей деревни. Если бы не он, наверное, я бы там и замёрз насмерть. С тех пор я не переношу жаркой бани, мне становится в ней очень дурно. Ещё припоминаю один случай из детства, который на всю жизнь отучил меня петь песни и употреблять матерные выражения. Чтобы от меня была польза, поставили меня, пятилетнего ребёнка, пасти свиней. Наслушавшись на вечерних улицах деревни матершинных частушек, я потом пел их, когда гонял свиней на пастбище, чтобы не было скучно. Однажды, когда я гнал свиней и распевал эти частушки, незнакомая женщина поймала меня за ухо и со словами: «Никогда не пой матершинных песен» - исхлестала меня всего крапивой.

Ещё остался в деревне каким-то образом не высланный с родителями старший сын моего брата Семён, которого приютил мой сродный брат Михаил Григорьевич Бачин, там жил и беглец Михаил. Потом, после смерти бабушки Агафьи, Михаил Григорьевич взял и меня к себе. Он был моим крёстным, и я звал его лёлей Мишей. У лёли Миши своя семья: жена Лиза и две дочки - Нюра и Шура. Они были чуть младше меня, Нюра - на год, а Шура - на два года. Моей обязанностью стало с ними водиться, присматривать за ними. Семёну было уже 15 лет, и он работал в колхозе, который организовали в деревне, а Михаил учился в школе. Потом Семён в 16 лет вынужден был жениться из-за нас с Мишей. Михаилу Григорьевичу трудно было содержать столько иждивенцев. Семён женился, нам нашли свободный домик, подремонтировали, и мы стали жить своей семьёй. В то время в деревне пустых домов было немало, эпидемия тифа унесла очень много людей. Также очень многие были сосланы. В 8 лет я пошёл в школу, это было в 1934-м году. В своей родной деревне окончил два класса. К тому времени у нас наладилась переписка с нашими родителями, они прислали денег на дорогу, и мы с Михаилом приехали в Восток к родным. Случилось это 14 августа 1936 года. Своих родных я никого не узнал, долгое время они казались мне чужими, пока не привык к ним.

Отец тогда, как он говорил, «вышел из годов», т.е. было ему уже больше 60 лет, и на работу в колхоз его уже не гнали. Он стал брать меня с собой и на рыбалку, и на покос, и в лес за кедровыми шишками. Всё это мне очень нравилось, к отцу я очень привязался, ведь мы с ним своей добычей кормили всю семью, и даже иногда продавали излишки добытой рыбы. Только для этого надо было ехать на обласке очень далеко, на речку Чемжельку и Корольку, где работали сплавщики леса, которые у нас охотно покупали рыбу. А в посёлке денег у людей не было, работали все за трудодни, которые ничего не стоили. При расчёте в конце года многие оставались должниками, особенно многодетные семьи.

В Востоке тогда был захудалый колхоз, председатель его Никифор Афанасьевич Бут заботился не о людях, а старался выслужиться перед начальством. Он ездил по своим владениям верхом на коне, и, бывало, когда бабы копали колхозную картошку, пекли её в костре, он растаптывал конём костёр, угли, чтобы они не ели «казённой» картошки.

Мой брат Тимофей Васильевич и его жена Анна Тимофеевна работали в колхозе от темна до темна. Летом он трудился на разных работах, в основном - плотником. Зимой он был охотником от колхоза, все деньги за добытую пушнину шли в колхоз, а ему за это начисляли трудодни, так что заработки были не роскошными, но зато бывала у нас на столе дичь. Он был очень весёлым человеком - любил песни, хорошо пел и мастерски играл на гармошке, которая была у него. В посёлке жил ещё один весёлый Тихон Петрович Корзун. Он хорошо играл на скрипке, и они нередко веселили людей своим дуэтом прямо на улице. Охотником Тимофей Васильевич тоже был прекрасным. Ещё на родине они с отцом были известны во всей округе как волчатники. По их словам, они каждую осень добывали до сорока волков, избавляя от этих разбойников местное население. В общем, жили мы во время ссылки в Востоке не так уж и плохо, но это продолжалось недолго. В 1939-м году мой брат Тимофей Васильевич умер прямо на охоте от припадка эпилепсии.

В посёлке все люди были спецпереселенцами, на учёте в комендатуре. Без разрешения комендатуры нельзя было отлучаться из деревни, но, когда в 1936-м году были выборы в Верховный Совет СССР, почему-то все участвовали в них. Я даже помню, как людей торжественно возили на санях в Сосновку, где был избирательный участок. Голосовали за Петра Еремеевича Голещихина и Манник, инициалов которого я не помню. Это были депутаты от Нарымского края. Улица Голещихина в Каргаске названа в честь первого депутата Верховного Совета СССР, который в первые дни Отечественной войны добровольцем уехал на фронт и вскоре погиб. Он жил на этой улице.

В 1936 году я пошёл в третий класс в Сосновскую начальную школу. Третий и четвёртый классы я окончил в Сосновке, а в пятом учился уже в Подъельнике. По новой Сталинской конституции был принят закон о всеобщем семилетнем образовании, и в пятый класс пошли вместе с нами уже взрослые парни и девушки, окончившие 4 класса и уже работавшие. Всех заставили учиться до седьмого. Классы были большие, в нашем пятом «Б» было около 40 человек. В Подъельнике учились ребяташки из всех близлежащих селений, где школы были только до четвёртого класса либо вообще отсутствовали. Поэтому и было в Подъельнике так много учеников. Жили по квартирам - кто как устроится. Общежитие было только для девочек. Мы, трое друзей (я, Вася Захаров и Алёша Соколюк), жили только в самую распутицу, когда грязь, а всю зиму бегали на самодельных лыжах каждый день домой за 7 километров от Подъельника до Востока. Зато на физкультуре мы всех обгоняли и приходили к финишу первыми на кроссах. Учёба давалась мне очень легко, во всех классах, начиная с первого, я был круглым отличником. С начала учёбы в пятом классе нас, как спецов, даже не принимали в пионеры, но случилось так, что все отличники класса, да и всей школы, были спецами, а все отстающие оказались большинством из местных жителей. Тогда наша пионерия спохватилась, ведь был лозунг «Пионер – всем пример», и нас стали усиленно приглашать вступить в пионеры, грозили даже исключением, или оставляли на второй год, но мы не испугались, пионером я так и не стал, но закончил школу отличником. Получили аттестаты мы 20-го июня 1941 года, а 22-го числа кончилось мирное время, началась Великая Отечественная война. Всех мужиков подходящего возраста в Подъельнике сразу забрали в армию. Когда увозили их в лодках в Каргасок, в деревне стоял жуткий стон и вой женских и детских голосов. Не дай Бог никому услышать и увидеть такое.

Спецпереселенцев сначала на фронт не брали, но потом, уже в 1942 году, стали забирать и их. Моего племянника Павла взяли в июле 1942 года, а Михаила осудили ещё в 1939 году за то, что от истощения пало много колхозных овец, а он был ветеринаром, и его в этом обвинили, хотя виноват был председатель, не обеспечивший скот сеном. Но председатель был угоден властям, поэтому Михаилу дали два года заключения, он просидел до начала войны, потом добровольцем ушёл на фронт, и судимость с него была снята. Я был кадровым охотником, добывал пушнину и мясо для отправки на фронт. В 1944-м году, когда мне было 17 лет, меня мобилизовали на фронт.